

Милана Седина
Юнона Стангард

МОЙ КОНКУРИСТ

Железный повод

Юнона Стангард

Мой конкуррист. Железный повод

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой конкурист. Железный повод / Ю. Стангард — «Автор»,
«Автор», 2026

Я привыкла спасать лошадей. Но на международном турнире я сама едва не погибла под копытами перепуганного жеребца. Меня вырвал из-под удара Платон Северский — бесстрашный конкурист, который не отдаст своего Бурана ни соперникам, ни людям с оружием. Теперь от меня требуют подписать коню смертный приговор. За отказ грозят уничтожить мою ветеринарную клинику. Я не отступлю. И Платон тоже. Днём нас ждут опасные барьеры и чужие подставы, ночью — тишина конюшни и его горячие ладони на моих пальцах. С этим мужчиной хочется забыть о страхе. Только тот, кто уже однажды сломал его жизнь, не позволит нам спокойно бороться за победу — и друг за друга.

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой конкуррист. Железный повод

Мой конкуррист. Железный повод
Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1

Запах в каменной галерее сектора «А» стоял особенный — терпкие сосновые опилки, дорогой седельный воск и горячий конский пот. Я опустилась на одно колено возле левой передней ноги гнедого мерина под номером четыре. Мои пальцы, привыкшие за годы хирургической практики чувствовать малейшее утолщение сухожильных волокон, мерно скользили вдоль глубокого сгибателя пальца.

Пульсация пальцевых артерий в области путового сустава была ровной, наполненной, без признаков застойного воспаления. Мерин лениво переступил копытом, обдав меня теплом, и фыркнул в воротник моего белого халата, надетого поверх темно-синего поло и бриджей.

— Спокойно, мальчик. Еще секунду, — прошептала я, прижимая холодную мембрану стетоскопа Littmann Master Classic к реберной дуге за левым локтем.

Сердечные тона звучали безукоризненно: спокойный ритм тренированного бойца, ровно тридцать два удара в минуту. Я поднялась и коснулась экрана электронного планшета на предплечье: «Номер 4. Клинически здоров. К старту допущен».

В пятидесяти метрах от меня, в гулком полумраке сводчатого коридора, раздались тяжелые шаги. Этот звук невозможно было спутать: мерная поступь шипованных подков огромного жеребца и упругая походка мужчины, привыкшего подчинять себе любое пространство.

Платон Сергеевич Северский вел Бурана на длинном кожаном чомбуре.

Вороной ганноверский исполин в сто семьдесят два сантиметра в холке шел с царственно поднятой головой, раздувая ноздри. Черная, отливающая вороненой сталью шерсть перекачивалась холмами сухих мышц на плечах и крупе. Конь нес себя так, словно весь «Олимп» принадлежал ему. Рядом шагал Северский — в расстегнутой черной ветровке с закатанными рукавами, обнажавшими мощные предплечья в белых нитях старых шрамов от корды. Широкие плечи, гранитный разворот челюсти и глаза цвета балтийского льда. Между зверем и человеком чувствовалась первобытная спайка: Платон лишь держал руку на весу, а конь чутко ловил малейший наклон его корпуса.

Я залюбовалась выносом передних ног Бурана — идеальный угол бабки, мощный толчок крупа. Живое совершенство для высоты в метр шестьдесят.

В этот момент под ногами жеребца раздался скрежещущий металлический лязг.

Чугунная решетка дренажного люка с визгом просела набок. Из темной щели коллектора со свистом и снопом белых магниевых искр вылетел черный цилиндр. Воздух мгновенно прорезал едкий запах жженой серы.

— Назад, Платон! — крикнула я, бросаясь к деннику номер четыре. — Под копытами запал!

Я с силой захлопнула дубовую створку, отрезая осмотренного мерина от беды.

— Буран, стоять! Мать твою, на месте! — рявкнул Платон, но грохот взрыва уже разорвал каменное пространство.

Вспышка ослепила глаза, ударная волна толкнула меня в грудь, выбив дыхание. Буран издал жуткий хрип и взмыл на дыбы. Окованные сталью копыта полоснули по перекрытиям, высекая фонтаны каменной крошки. Конь обезумел от порохового удушья.

Платон намертво вцепился в чомбур двумя руками, наваливаясь всем весом на хруп, пытаясь удержать зверя. Мышцы его шеи вздулись багровыми канатами. Но динамический рывок полутонного зверя был за гранью человеческих сил. Толстый стальной карабин на нейлоновом недоуздке лопнул с пронзительным звоном струны.

Буран рухнул на четыре ноги, но вместо бегства к выходу, где полыхали остатки пиротехники, в слепой панике крутанулся на месте. Каменные простенки отражали огонь, и жере-

бец развернулся на сто восемьдесят градусов. Прижав уши, он карьером понесся вглубь тупикового коридора.

Прямо на меня.

Внутри все похолодело. Я рванула засов двери кормовой, чтобы укрыться. Металл не шелохнулся: от вибрации стен и застарелой ржавчины его намертво заклинило. Справа нависала кирпичная колонна, сзади была глухая стена. Я оказалась в каменном мешке шириной в два метра, на который летела лавина вороной плоти и подков. До удара оставались доли секунды. Я успела лишь вжаться лопатками в кирпич и выставить планшет.

В эту секунду Платон совершил невозможное.

Не тратя времени на бег по скользкому бетону, он оттолкнулся от стойки денника и выбросил тело вперед горизонтальной ласточкой. В падении он поймал болтающийся под челюстью коня обрывок ремня недоуздка возле щечного кольца. Пальцы сомкнулись намертво. Повиснув на шее мчащегося Бурана, Платон вывернул корпус, сбивая вектор разгона в крутую дугу.

Инерция чудовищной массы швырнула человека. С глухим, страшным треском Платона впечатало спиной и левым плечом о дубовый косяк ворот.

— Сука!.. — сквозь сжатые до крошева зубы выдохнул он.

Его лицо побелело, вокруг глаз залегла смертная мука. Я услышала глухой, страшный хруст: удар о дуб пришелся Платону прямо в плечевой сустав. Он не мог поднять руку. Насколько серьезен удар, предстояло выяснить в лазарете.

Северский не разжал пальцев. Правой, здоровой рукой он продолжал железной хваткой выкручивать ремень недоуздка книзу. Рыча от разрывающей боли, Платон заломил шею Бурана в штопор, уводя копыта в пяти сантиметрах от моего виска.

Горячий пар из ноздрей обжег мне щеку. Буран попытался вздыбиться, но Платон нанес жесткий болевой залом недоуздка и издал низкий, вибрирующий гортанный рык жока. Инстинкт повиновения переломил панику. Буран вздрогнул и опустил копыта на пол.

Северский, кренясь на правый бок и прижимая безжизненно повисшую левую руку к ребрам, вытолкнул хрипящего зверя сквозь створ ворот на открытый песок разминочного манежа.

* * *

Яркий дневной свет манежа резанул по глазам. Желтый кварцевый песок взлетал фонтанами. Буран хрипел, раздувая алые ноздри, и крутил вольты на задних ногах в центре арены.

Платон двигался вместе с ним, удерживая перехваченный ремень недоуздка одной правой рукой. Его левая рука висела плетью, ладонь была содрана до мяса о лопнувший металл, и на песок срывались тяжелые капли крови.

— Шагом, Буран... Дыши, мальчик... Я держу тебя, — глухо повторял Северский, шаг за шагом заставляя жеребца сужать круги. Частота дыхания коня падала, переходя от частых судорожных вдохов к тяжелым, но ровным вздохам.

В этот момент противоположные ворота с грохотом распахнулись.

На песок выбежали шестеро бойцов в черной штурмовой форме с шевронами ЧОП «Воронов-Секьюрити». Впереди шагал начальник службы безопасности Каверин. В его руках был вскинут помповый карабин двенадцатого калибра, а охранники за его спиной уже разворачивали полуметровые штанги с электрошокерами.

— Всем назад! — гаркнул Каверин, передергивая цевье. — Животное взбесилось! По приказу руководства комплекса ликвидировать угрозу персоналу! Стреляю на поражение!

Чоповцы двинулись вперед, выставив искрящие синим разрядом электроды. В воздухе запахло озоном.

Платон шагнул вперед, закрывая широкой спиной голову и грудь Бурана.

— Опустит ствол, Каверин, — ледяным тоном произнес он. В его глазах была убийственная готовность драться насмерть. — Если хоть одна пуля или дротик с дитилином коснутся моего коня, я сломаю тебе кадык раньше, чем ты нажмешь на спуск.

— Назад пошел! — окрысился охранник и выбросил вперед штангу шокера, метя Северскому в подреберье. Синий разряд щелкнул в сантиметре от куртки.

Реакция Платона была мгновенной. Он сделал резкий подшаг, здоровая правая рука перехватила стеклопластиковую штангу. Платон крутанул корпус, используя массу нападающего, вывернул оружие с хрустом чужих суставов и коротким ударом колена впечатал громилу в песок. Тот рухнул кулем.

— Оружие к бою! — взвизгнул Каверин, наводя дуло в лицо Северскому. Палец лег на спусковой крючок.

— Оружие на землю! — мой крик хлестнул по манежу, как удар бича.

Я выбежала на открытый грунт и встала вплотную между Платоном и дулом ружья. Высоко над головой я подняла золотой бейдж с голограммой Международной федерации конного спорта.

— Я — главный ветврач турнира доктор Кристина Андреевна Романова, — отчеканила я, глядя в свинячьи глаза Каверина. — Здесь присутствуют международные судьи и десятки свидетелей. Моя нагрудная камера ведет прямую трансляцию с шифрованием на сервер FEI и главному арбитру. Вы хотите получить уголовное дело за угрозу людям и расстрел племенного жеребца за два миллиона евро? Любой выстрел здесь — уголовное дело и проверка лицензии вашего ЧОПа. Ствол в песок. Немедленно!

Каверин дернул щекой, покосился на объектив камеры и на судейскую трибуну, где уже столпились иностранные арбитры.

— Сумасшедшая... — процедил он и нехотя опустил карабин. — Уходим.

Охрана подхватила стонущего бойца и поспешно скрылась за воротами.

Я выдохнула, подавляя дрожь в коленях, и подошла к Бурану. Жеребец прядал ушами, косясь настороженным глазом.

— Тише, мой хороший. Тише, — мягко сказала я.

От моих ладоней пахло травяным антисептиком. Я медленно протянула ладонь к шелковистому храпу коня, позволила ему обнюхать мои пальцы и заговорила тихо, не делая резких движений.

Буран замер. Мышцы его шеи дрогнули. Он глубоко вдохнул мой запах, признавая вожака, и с доверчивой тяжестью опустил голову мне на плечо.

Я погладила его по теплой шее и посмотрела на Платона. Тот стоял у бортика, глядя на меня. В глубине его холодных глаз вспыхнуло глухое изумление, мужское уважение и обжигающее тепло.

Глава 2

— Нам нужно в лазарет, Платон, — твердо сказала я, глядя на его опущенное левое плечо. — Тебя должен осмотреть дежурный травматолог.

— Сначала коня в бокс, — хрипло отозвался он. — Потом мной займешься.

Мы шли через боковую галерею, где размещался детский пони-клуб. Едва переступили порог кирпичной арки, как тишину прорезал отчаянный детский плач и удары копыт о тонкий металл.

— Помогите! Кто-нибудь, помогите! — кричал тонкий девичий голос.

Возле денника с табличкой «Ветерок» тринадцатилетняя девочка в защитном шлеме и сбившихся крагах в слезах билась возле нижней кормушки. Внутри метался серый шетлендский пони.

— Платон, держи Бурана у коновязи. Я туда! — бросила я, срывая с плеча медицинскую сумку.

— Я с тобой, — отрезал он, передав Бурана подбежавшему коноводу и прижимая раненую руку к телу.

От взрыва пони заметался, его задняя левая нога проскользнула между толстыми стальными прутьями кормушки. От рывков прутья деформировались и зажали путовый сустав в тиски. Кожа на бабке была содрана до мяса, сочилась кровь. Пони хрипел, рискуя переломить кость. Девочка пыталась руками разжать прутья.

— Отойди назад, малышка! — приказал Платон, шагнув в денник и отстраняя девочку здоровой рукой. — Мы все сделаем.

Я опустила в опилки у головы животного. Металлическую закрутку ставить было нельзя — пони разорвал бы себе губу.

— Держи голову, Платон! — крикнула я, доставая ампулу.

Я ввела ветеринарный седатив, сверившись с массой пони. Пока препарат начинал действовать, мы с Платоном удерживали Ветерка от новых рывков. Постепенно пони шумно выдохнул и перестал биться.

— Ногу зажало намертво, прут спружинил, — быстро сказала я. — Руками не разогнуть, а гидравлика в гараже за километр!

Платон опустился рядом. Лицо его исказилось от боли в плече, на лбу выступила испарина. Он заметил в углу сосновый брус от разобранной перегородки и придвинул его ногой.

— Времени нет. Сустав пойдет на некроз, — процедил он.

Северский подсунул брус под согнутый прут, создавая жесткий клин и рычаг. Перенеся весь упор на здоровое правое плечо и мощную спину, он навалился стокилограммовым весом. Его правая рука напряглась стальным тросом. Он глухо зарычал, преодолевая сопротивление металла и адскую вспышку боли в раненом суставе.

Раздался металлический визг. Прут с треском поддался, отогнувшись на пять сантиметров.

— Вытаскивай! Держу! — прохрипел Платон.

Мои пальцы скользнули к суставу, и я аккуратно вывела окровавленную бабку из ловушки.

— Свободен! Отпускай!

Платон отбросил брус, металл спружинил обратно с сухим щелчком. Я быстро пальпировала сесамовидные кости пони — перелома не было, связки целы. Залив рану хлоргексидином, я наложила салфетки и тугой охлаждающий бандаж.

— Сегодня останется под наблюдением. Дальше посмотрим по заживлению, — улыбнулась я девочке.

Та бросилась обнимать спасенного любимца. В этот момент дверь распахнулась, и вбежала запыхавшаяся женщина с бейджем оргкомитета — Тамара Сергеевна, старший администратор.

— Алиса! Доченька! — женщина прижала девочку к себе и перевела потрясенный взгляд на нас. — Вы спасли его? В секторе «А» стреляли...

— Мы успели, Тамара Сергеевна, — тихо сказала я.

Девочка подняла заплаканное лицо, расстегнула карман жилетки и протянула Платону плетеный шнурок из светлого волоса гривы:

— Возьмите... Это оберег из гривы Ветерка. Я сама плела. Он защищает от беды. Наденьте Бурану... Он самый храбрый конь.

Платон медленно опустился на одно колено прямо в опилки перед маленькой всадницей, бережно принял оберег огромной огрубевшей ладонью и ответил:

— Спасибо, Алиса. Мы не подведем.

Поднявшись, он подошел к Бурану и вплеп белый шнурок в ремень недоуздки.

Коновод передал ему чомбур и остался при Ветерке, пока мы собирались в лазарет.

Тамара Сергеевна прикрыла дверь и зашептала:

— Кристина Андреевна, слушайте. Взрыв — дело рук Воронова. А прямо сейчас он сидит с председателем жюри. Готовят подложный протокол о выбраковке Бурана как социально опасного. Вот... — она сунула мне сложенный лист с грифом оргкомитета. — Черновик служебной записки, которую они подадут судье. Будьте готовы в смотровом боксе.

— Спасибо, Тамара, — кивнула я, сжимая документ в кармане.

* * *

Смотровой бокс встретил нас белизной кафеля, запахом хлорамина и ярким бестеневым светом.

Буран стоял в центральном станке и с аппетитом хрустел яблоком. Я выключила гудящий генератор рентгена, взяв портативный тепловизор. Провела датчиком вдоль ног коня: сгибатели, межкостная мышца, капсулы суставов светились холодным зеленым и синим тоном — воспалительного выпота не было.

— Ноги чистые, Платон. Ни намек на отек. Еще проверим его утром, — произнесла я, скормив Бурану кубик сахара. Жеребец благодарно ткнулся губами в мое плечо. — А теперь сними куртку и садись. Дежурный травматолог уже ждет тебя в соседней комнате.

Северский стянул ветровку и через голову снял разорванную футболку, оставшись обнаженным по пояс.

У меня перехватило дыхание.

Торс Платона напоминал анатомический атлас: широкая грудь, рельефный пресс, плечи в сетке белых шрамов от падений и прежней службы. Но левое плечо выглядело скверно: дельтовидная мышца вздулась от спазма, наливаясь синевой глубокого отека.

— Садись, — сказала я, стараясь говорить подчеркнуто ровно, хотя пульс участился.

Осмотр и снимок заняли почти час. Перелома и вывиха не оказалось; травматолог обработал содранную ладонь, назначил лечение и запретил нагружать плечо до повторного осмотра утром. Вернувшись, Платон сел на кушетку. Я открыла темную банку с бальзамом. Густая мазь с терпким ароматом арники, пихты, окопника и камфоры холодила пальцы. Встав между его колен, я положила ладони на его поврежденное плечо.

Кожа Платона была обжигающе горячей. Мышцы под моими пальцами натянулись канатами, он тяжело втянул воздух сквозь зубы.

— Терпимо, доктор, — глухо бросил он, глядя мне прямо в глаза. — Главное — чтобы повод держала рука.

— Не геройствуй, — тихо ответила я, круговыми движениями распределяя бальзам. — Слышал, что сказал врач? Сегодня никаких подвигов этой рукой. Завтра сначала контрольный осмотр, потом разговор о старте.

Мои пальцы осторожно скользили по напряженной мышце у основания шеи, не задевая опухшее плечо. Я чувствовала, как часто он дышит. Платон стиснул челюсти, желваки заиграли на скулах, но он не издал ни звука. Постепенно тепло бальзама победило спазм: плечо расслабилось. На мгновение наши взгляды встретились, и воздух между нами вспыхнул такой плотной тягой, что обожгло щеки.

— У тебя золотые руки, Кристина, — негромко сказал он.

— Рано хвалить, — я отступила к столу. — Надо убрать гарь с Бурана.

Я подошла к жеребцу с пинцетом и салфеткой. Возле холки шерсть была опалена. Счищая копоть, пинцет наткнулся на твердый металл в спекшихся волосах. Хирургическими ножницами я срезала обугленный колтун. На металлический поддон со стуком упал черный алюминиевый цилиндр.

На полированном боку четко читалась лазерная гравировка: «Армейский страйкбольный запал Z-4. Партия 08. Собственность ЧОП "Воронов-Секьюрити"».

Улика неопровержимая. Я взяла запал пинцетом, опустила в ветеринарный пакет для вещественных доказательств, запечатала магнитную ленту и зафиксировала красную пломбу с номером.

В эту секунду дверь бокса с грохотом распахнулась от удара ноги.

На пороге возник Герман Воронов в темно-синем кашемировом пальто, с шелковым шарфом и взглядом хищника. За его спиной маячил Каверин. Олигарх шагнул внутрь и бросил на мой стол бланк с жирным штампом оргкомитета.

— Доктор Романова, — вкрадчиво произнес он. — Вы прямо сейчас подпишете акт об агрессивности и выбраковке этого жеребца. Конь снимается с соревнований и отправляется на карантинную бойню.

Платон с рычанием подался вперед, сжав кулаки. Я мгновенно сделала шаг и положила раскрытую ладонь прямо на его голую грудь.

Рука легла на его сердце — оно колотилось, как набат. Я ощутила жар его тела.

— Стой, Платон, — твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Не пачкай руки. Это моя война.

Северский тяжело выдохнул и остался на месте.

Я повернулась к Воронову. Взяв пинцет, кончиком металла подцепила бланк и брезгливо смахнула его в урну для медицинских отходов.

— Ваша власть заканчивается за дверями лазарета, господин Воронов.

— Девочка, ты не понимаешь, с кем говоришь, — прошипел он с яростью. — Завтра твоя клиника «Берег» лишится лицензии. Тебя вышвырнут из ассоциации с волчьим билетом, а конь пойдет под нож. Каверин, заberi журналы со стола!

Начальник охраны шагнул ко мне, протягивая руку к регистрационному журналу.

Но Платон в одно мгновение перехватил его запястье. Каверин взвыл и резко согнулся от боли, оседая на колени.

— Сделай еще хоть один вдох в ее сторону, — пророкотал Платон прямо ему в ухо, — и вылетишь через это глухое окно. Пошел вон!

Он швырнул Каверина к выходу, как куль с мусором.

Я спокойно достала официальный формуляр FEI и перьевой ручкой вписала: «Жеребец Буран. Клинически здоров. К участию в квалификационном гите 150 см допущен в полном объеме». Затем взяла тяжелую латунную печать и с силой впечатала гербовый оттиск.

Подняв голову, я выдвинула на край стола пакет с запалом Z-4 и черновик записки от Тамары:

— Жеребец допущен официально. Протокол уже в онлайн-базе жюри. А этот опломбированный пакет с запалом вашей личной охраны прямо сейчас отправляется в следственный отдел ОБЭП и европейский директорат FEI по факту покушения на теракт. Вон из моего бокса, Воронов. Пока я не вызвала наряд полиции для вашего ареста.

Воронов побелел до цвета мела. Он понял, что проиграл.

— Ты еще пожалеешь, доктор, — бросил он и поспешно выскочил за дверь, увлекая Каверина, прижимавшего к себе ушибленное запястье.

Дверь захлопнулась. В боксе повисла тишина, нарушаемая лишь дыханием коня.

Я достала рулон широкого эластичного бинта и клейкие тейпы.

— Садись обратно, — мягко сказала я Платону.

Он опустился на кушетку. Я начала накладывать восьмиобразную повязку на его плечо, фиксируя связки тейпами. Внезапно Платон поднял здоровую правую руку. Его широкая, горячая ладонь легла поверх моих пальцев, останавливая их.

Он бережно сжал мою руку и прижал ее к своей обнаженной груди — туда, где гулко билось его сердце.

— Ты рискуешь абсолютно всем из-за нас с Бураном, — хрипло произнес он, глядя мне прямо в душу серыми штормовыми глазами. — Почему, Кристина?

Я замерла, чувствуя кожей ритм его пульса и тепло пальцев.

— Потому что в этом манеже, полном фальши, только ты и твой конь — настоящие, — выдохнула я.

Платон медленно провел большим пальцем по тыльной стороне моей ладони, и от этого прикосновения перехватило дыхание.

Буран в станке тихо всхрапнул.

— Воронов не успокоится, — Платон неохотно отпустил мою руку. — Ночью они попытаются добраться до коня в центральной конюшне.

— Буран не останется в общем блоке, — я затянула узел бандажа. — Мы переведем его в дальний изолированный карантинный бокс за лазаретом, о котором знает только начкон. А сами уйдем в старый амуничник при конюшне. Там тепло, есть печь, и оттуда просматривается вход в крыло. Я не оставлю тебя одного с этой рукой до утра.

Северский скуп, но тепло улыбнулся одними уголками губ:

— Идет, доктор. Веди.

Глава 3

Полночь опустилась на конноспортивный комплекс «Олимп» тяжелым, стылым покрывалом. Суета и грохот дневных трибун утихли, охрана Воронова отступила за внешний периметр. Мы с Платоном вошли в дальний изолированный денник сектора «В», скрытый за толстыми кирпичными переборками лазарета.

Здесь пахло сушеной луговой люцерной, прелым клевером и теплым конским дыханием. Единственный желтый фонарь на бревенчатой балке выхватывал из полумрака лоснящуюся вороную статью Бурана. Услышав шаги, жеребец вскинул голову, его уши настороженно развернулись, чуя резкий запах камфоры от моего медицинского чемодана.

— Тихо, мальчик... — прошептала я, мягко переступая через слой золотистой соломы. — Я не сделаю больно. Покажи мне ногу.

Буран нервно переступил копытами и резко вздернул левую переднюю ногу, защищаясь от воспоминаний о дневном взрыве. Платон мгновенно перехватил чомбур, намереваясь осадить коня жесткой командой, но я мягко коснулась его напряженного предплечья:

— Не натягивай чомбур, Платон. Он не должен бояться человека.

Северский ослабил натяжение. Вместо того чтобы пятиться в угол, вороной исполин развернулся всем своим могучим корпусом и ласково ткнулся широким лбом в бедро Платона, ища укрытия у своего всадника. Это было поразительно: свирепый гигант, готовый растоптать вооруженный ЧОП, искал защиты у человека, как испуганный жеребенок.

Я опустилась на колени прямо в солому. Платон положил широкую ладонь на холку коня и негромко, размеренно запел на низкой, вибрирующей ноте старинную дорожную песню. Ритм его баса действовал гипнотически — Буран глубоко выдохнул пар и расслабил плечевой пояс.

Смочив пальцы камфорной эмульсией, я провела ребром ладони вдоль межкостной мышцы и путового сустава, применяя тест температурного градиента. У путового сустава наметилась небольшая припухлость, которой днем еще не было. Я внимательно проверила ногу: болезненности не обнаружилось, но одного этого для допуска было мало.

Когда пальцы коснулись чувствительной триггерной зоны, конь вздрогнул. Платон тут же накрыл ладонью его храп, прижав к своей груди:

— Терпи, брат. Доктор знает, что делает.

Я отметила припухлость в карте осмотра и наложила охлаждающий компресс. К утру требовалась повторная проверка: при малейшей хромоте о старте не могло быть речи.

Когда я поднялась с колен, стряхивая соломинки с брюк, Буран неожиданно вытянул шею. Его мягкие, теплые губы бережно коснулись моих волос, а затем огромная бархатная голова с доверчивой тяжестью легла мне на плечо. Конь шумно выдохнул мне под воротник теплый пар, пахнувший яблоками и травой.

Платон замер, глядя на нас широко распахнутыми глазами:

— До сегодняшнего дня он никому из чужих не позволял так приблизиться к себе. Ты творишь чудеса, Кристина.

— Он просто знает, кто за него воюет, — улыбнулась я. — С конем все в порядке. Теперь очередь за тобой.

* * *

В ординаторской лазарета царил мягкий полумрак. Зеленый абажур настольной лампы отбрасывал теплый круг света на стеклянные витрины с анатомическими атласами и рядами флаконов. В воздухе стоял стойкий аптечный дух сушеной мяты, спирта и хвои.

Платон стянул через голову пропитанную потом футболку и сел на высокую медицинскую кушетку.

Я замерла на пороге, невольно задержав дыхание. Его торс был вылеплен с античной мощью: широкая грудь, рельефная сетка косых мышц пресса, узкие бедра и спина, покрытая тонкими белыми шрамами от жесткой корды и падений. Но на левом плече, от акромиального отростка до дельтовидной бугристости, разливалась багровая, налитая жаром гематома.

— Не шевелись, — я заставила себя говорить подчеркнуто профессиональным тоном, надевая тонкие латексные перчатки. — Врач велел не трогать сам ушиб. Я только поправлю повязку и помогу тебе расслабить шею.

— Плечо выдержит, — хрипло отозвался он. — Мне главное — удержать повод, когда Буран пойдет на брусся.

— Замолчи и дыши, — велела я, открывая банку из темного стекла.

Мой авторский бальзам — концентрированная вытяжка горной арники, сибирской пихты, корня окопника и очищенной камфоры — густо лег на мои пальцы. Я растерла мазь между ладонями, ощущая резкий хвойный холод, и осторожно коснулась напряженной мышцы у основания его шеи.

Платон резко дернулся, мышцы спины натянулись стальными тросами. Сквозь плотно сжатые зубы вырвался глухой стон. Я тут же ослабила прикосновение, дав ему перевести дух.

— Дыши, Платон, не зажимайся!

Я встала вплотную между его колен и осторожно провела пальцами по напряженной мышце у основания шеи. Чтобы не задеть повязку, пришлось наклониться совсем низко. Мои распущенные волосы соскользнули с плеча и шелковистой волной мазнули по его обнаженной ключице.

Платон оцепенел. Его дыхание оборвалось. Вместо того чтобы отстраниться, он закрыл глаза и судорожно, глубоко втянул носом воздух, улавливая аромат моих волос. От этой отчаянной, беззащитной мужской капитуляции по моей коже пробежала электрическая волна. Судорожный зажим в дельте внезапно дрогнул и начал податливо таять под моими пальцами.

Я поправила повязку, наложенную травматологом, и проверила, не давит ли она. От бешеной гонки пульса мои пальцы слегка задрожали. Чтобы удержать равновесие, я положила свободную ладонь на его ключицу.

Платон осторожно накрыл мою руку, прижав пальцы к теплой ключице:

— Зачем ты возишься со мной посреди ночи, доктор? — хрипло спросил он, глядя мне прямо в глаза штормовой серостью своих зрачков. — Воронов сотрет твою клинику в порошок, если узнает.

— Ты помнишь, что я ответила тебе в боксе? Мои слова не изменились, Платон. Но сейчас ты должен беречь себя ради завтрашней победы.

На жестких губах Платона впервые за сутки расцвела открытая, бесконечно теплая улыбка, совершенно преобразившая его лицо. Он поднес мою ладонь к губам и коснулся тыльной стороны пальцев легким, почти невесомым поцелуем.

— Пойдем, Кристина. Здесь нельзя оставаться. Я растопил печь в старом амуничнике.

* * *

Старый деревянный амуничник в глубине исторического крыла конюшни встретил нас спасительным, живым уютом. Этот сруб из вековых сосновых бревен был построен еще в советские годы. На кованых настенных крюках ровными рядами висели английские седла, уздечки с начищенными латунными пряжками и лоснящиеся подпруги. В воздухе стоял неповторимый конный дух — дегтярная мазь для копыт, вошенная шорная кожа и сухие березовые дрова.

В углу весело гудела круглая чугунная буржуйка. Огонь плясал в топке, бросая янтарные блики на смолистые бревна стен.

Платон запер тяжелый дубовый засов, снял с печи закопченный эмалированный чайник и разлил по жестяным кружкам темный, пахнущий медом и лугом настой горного чабреца со зверобоем.

— Садись ближе к огню, — он потянул меня за руку к широкому деревянному сундуку, покрытому потертой кожей, и набросил на наши плечи тяжелую шерстяную попону.

Мы сидели вплотную, бедро к бедру, согревая озябшие пальцы о горячую жесть кружек. За окнами завывал осенний ветер, швыряя в темные стекла ледяную крупу, но здесь, за полуметровыми бревнами, мир казался неуязвимым.

Я сделала глоток обжигающего травяного чая и тихо посмотрела на Платона:

— Расскажи мне про Буревестника.

Его плечи мгновенно окаменели, а в глазах плеснула застарелая боль.

— Это было три года назад, на олимпийском отборе, — глухо начал он, глядя на угли сквозь колосниковую решетку. — Воронов подписал многомиллионный контракт с инвесторами из Эмиратов. Конь должен был выиграть любой ценой. За сутки до старта Буревестник захромал — микротрещина челночной кости. Я требовал снять коня. Но ночью ветеринары Воронова заперлись в лазарете...

— Они обкололи сустав блокаторами нервов, — перебила я, сжимая кружку. Как ведущий спортивный ортопед, я мгновенно восстановила биомеханическую картину катастрофы. — Я читала те архивные протоколы федерации, подписи врачей там были подделаны. Это была тотальная химическая денервация проприорецепторов бабки! Конь перестал чувствовать копыто.

— Да, — Платон сжал челюсти так, что скрипнули зубы. — Он пошел на брусья вслепую. На высоте метр шестьдесят пять у него просто отключилась нога на толчке. Буревестник сломал шею о жерди прямо на моих глазах... Они превратили великого бойца в кусок мяса ради страховки в два миллиона евро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.